

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук Берзиной Маргариты Евгеньевны

на тему: «Пушкинский и гоголевский подтексты

в романе И. Ильфа и Е. Петрова “Двенадцать стульев”.

Пародичность и ее реализация»

по специальности 5.9.1 – Русская литература

и литературы народов Российской Федерации

Актуальность исследования М.Е. Берзиной не вызывает сомнений. Работа посвящена роману, который, по замечанию Ю.К. Щеглова, «в литературе 20-х гг... может претендовать на роль “энциклопедии русской жизни”.., в котором нет ни одного слова, сказанного нейтрально, плоско, “в простоте”. Каждая фраза... есть цитата, пародия, стилизация или языковая игра, источники и прототипы которой можно проследить до бесконечности» [Щеглов Ю.К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.]. А Пушкин и Гоголь, по замечанию того же Щеглова, имеют в русской литературе эпохи модернизма привилегированный статус; их творчество рассматривалось критикой XX в. как «сфера пророчеств, мифов и символов, актуальных для всей новейшей русской культуры», или, в лаконичной формулировке Хармса, в русской литературе всё – либо «об Пушкина, либо об Гоголя».

Действительно романы Ильфа и Петрова, перефразируя известную цитату, научили общество говорить – тем самым вызвав вечный соблазн для исследователей разъять новый язык, созданный во многом благодаря языковой комбинаторной виртуозности Ильфа и Петрова, на генетические элементы, чтобы понять, откуда пошли знаменитые формулы. Учитывая количество (и – главное – качество) написанного об интертекстуальной поэтике романа, для

того, чтобы включиться в число его комментаторов, от автора требуется большая смелость, вера в себя и наличие неких «исследовательских козырей».

У М.Е. Берзиной эти качества есть. Свою сильную сторону она видит в новизне подхода. Главный «козырь» М.Е. Берзиной – «углубление», поэтому число претекстов, отобранных для сравнительного анализа невелико: из Пушкина рассматриваются «Медный всадник» и Пиковая дама», а из Гоголя «Портрет», «Ревизор» и «Шинель». Сразу вырисовывается иерархия: пушкинские сочинения – «играют значимую роль» (как реализованные на сюжетно-композиционном уровне и на уровне системы персонажей), а «гоголевская традиция “является для художественного метода Ильфа и Петрова определяющей”». Эта иерархия проявляется и на уровне структуры: Пушкину отведена одна глава, а Гоголю две; и одна глава посвящена параллельному анализу Пушкина и Гоголя («Пиковая дама» и «Портрет»).

Структура работы вполне логична: теоретическая глава, посвящённая интертекстуальности в разных её изводах, четыре «практических» главы – собственно сам «углублённый комплексный анализ» параллелей, библиографический список (107 пунктов) и два приложения (травестия религиозных текстов в романе и пародичность при использовании нехудожественных текстов). Оглавление подробно и информативно и выглядит очень привлекательно: во всех «практических» главах использован приём двойных заглавий (например, «“Бунт на корабле”»: петербургская повесть А. Пушкина “Медный всадник” как претекст романа И. Ильфа и Е. Петрова “Двенадцать стульев”). Умение «соблазнительно» назвать главы – большой плюс. Но хороший план налагает и большие обязательства. И в главах, где представлен сам анализ, автору в основном удаётся оправдывать ожидания. Рассмотрение параллелей с Пушкиным и Гоголем (хотя немного странно видеть неоднократно применяемое к ним определение «дореволюционные писатели») идет сквозь призму тыняновской оппозиции «пародийность / пародичность» (слово «пародичность» вынесено в заглавие

всей работы) – и в целом эта оптика сохраняется на протяжении всего текста, что придаёт работе цельность.

М.Е. Берзина хорошо знает произведения, с которыми работает: и полный текст «12 стульев» с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана, и выбранные для сравнения тексты Пушкина и Гоголя.

В работе, кроме книги Ильфа и Петрова, есть ещё одна ключевая книга, которую М.Е. Берзина тоже знает очень хорошо. Её автор – Ю.К. Щеглов. Это тот «Коперник-соперник», с которым М.Е. Берзина ведёт непрерывный диалог-соревнование. Цель этого диалога – доказать, что «и после Щеглова» есть шанс сказать об интертекстуальности «12 стульев» что-то новое. М.Е. Берзина не жалеет похвал для книги Щеглова: это и «основное», и «ключевое исследование» и даже «мидраш» для романа. Работа – фактически – «на полях» книги Щеглова (диссертантка даже подсчитала точное количество щегловских параллелей), и это её никак не принижает: желание превзойти высокий образец помогает автору добыть немалую славу. Собственно, в этом и состоит ренессансный принцип «*imitatio-emulatio*» («подражания-соревнования»), который в работе М.Е. Берзиной очень ощущается. Вообще, с точки зрения риторических стратегий, работа построена очень грамотно.

При высокой оценке диссертантка находит у Щеглова недостатки (фактически используя 4-й статус риторики – статус отвода): «Лакуной фундаментального и практически всеобъемлющего труда Щеглова является то, что чаще всего функции тех или иных аллюзий не рассматриваются автором, а интертекстуальный анализ останавливается на этапе выявления и систематизации — что представляет предмет будущих исследований романа “Двенадцать стульев”» (с. 9). У других своих предшественников М.Е. Берзина видит те же недочёты: отсутствие глубины, тезисность, фрагментарность, неполноту. Так что потенциальное место работы М.Е. Берзиной в системе научного комментирования романа определено ясно: это углубление анализа, выявление функций уже известных и вновь найденных параллелей, обобщение и систематизация. Иными словами, тот самый «комплексный», или

«системный» анализ, без упоминания которого нынче не пишется ни одно вступление к квалификационным работам.

Всякий раз, выявляя новую параллель с Пушкиным, М.Е. Берзина отмечает, что она не отмечена у Щеглова или иначе (как правило, «менее глубоко») прокомментирована. И М.Е. Берзиной часто удаётся «поймать» Щеглова на пропусках параллелей – особенно там, где речь идёт о библейских ассоциациях. Так что – действительно – рецензируемая работа дополняет картину интертекстуального прочтения «12 стульев».

М.Е. Берзина выделяет в выбранных текстах мотивы, подтверждающие её концепцию, – например, разрушительной силы стихии, ожившей статуи (хотя здесь нельзя не отметить, что в сноске указана не конкретно работа «Статуя в поэтической мифологии Пушкина», о которой идёт речь, а вся книга Р.О. Якобсона). Удачна идея создания типологических групп, объединяющих персонажей рассматриваемых произведений: например, в группу «Умиравший хранитель тайны» М.Е. Берзина включает пушкинскую графиню, гоголевского старого ростовщика и мадам Петухову; в группу «Искатели сокровищ» – Германна, Чарткова и Воробьянинова. Особого внимания (и совершенно заслуженно) удостоена «Лизина группа» (Лиза «Пиковой дамы», «Портрета» и «12 стульев»): персонажи, объединенные по ономастическому принципу, как показывает исследовательница, играют и сходную сюжетную роль. Возможно, и обращение к семантике имени Лиза «Бог мой — клятва» тоже сыграло бы на концепцию диссертации.

Идея рассматривать в одной главе «Пиковую даму» и «Портрет» как единый претекст «12 стульев» – богатая и перспективная, не только для романа Ильфа и Петрова, но и для повестей Пушкина и Гоголя. Хотя непонятно – к какому выводу склоняется диссертантка в вопросе о способе появления графини: на с. 54 она приходит к Германну во сне, а на с. 67 её явление обозначено как «видение» («он проснулся»). И утверждение «Мотив лунного света имеет демонические коннотации и, как правило, ассоциируется

в литературе с нечистой силой» (с. 67) всё-таки слишком прямолинейно: символика лунного света гораздо богаче.

А вот трактовка Воробьянинова как «маленького человека» не выглядит убедительно – тем более что автор постоянно возвращается к дворянскому положению героя, его амбициям, манере себя вести. Характеристика Ипполита Матвеевича как «маленького человека» в работе повторена в главах о «Медном всаднике» и «Шинели» – и эти повторы ей не на пользу. Да ведь и привычная трактовка Акакия Акакиевича как «маленького человека» тоже не всеми филологами поддерживается. И не очень понятно, где, по мнению М.Е. Берзиной исток образа пресловутого «маленького человека»: «Медный всадник» или «Шинель».

Оба приложения – посвященное и библейским аллюзиям, и нехудожественным текстам – изобилуют тонкими наблюдениями, умело выстроенными интерпретационными схемами и ярко выявляют пародическую функцию интерпретируемых текстов.

В целом главы, где представлен самостоятельный анализ М.Е. Берзиной, выглядят убедительно; они явно написаны с вдохновением. Автор обладает хорошим филологическим зрением, владеет навыками сопоставления, классификации и систематизации найденных параллелей.

А вот к первой – теоретической – главе, где диссертантка рассматривает понятие «интертекстуальность» и суть метода интертекстуального анализа, есть замечания. М.Е. Берзина подробно рассматривает историю понятия интертекстуальность, приводит многочисленные цитаты из работ как западноевропейских, так и русскоязычных авторов. В целом М.Е. Берзина свободно ориентируется в работах предшественников по теме, чему свидетельством реферативный обзор уже существующих трудов и активное их осмысление (как правило, критическое) в тексте диссертации.

Замечания касаются разного рода небрежностей – казалось бы, мелких, но способных сильно снизить впечатление от работы.

На с. 18, например, узнаём, что термин «интертекстуальность» впервые прозвучал осенью 1966 года в докладе Юлии Кристевой о творчестве **Максима** Бахтина. На с. 124 в библиографии возник исследователь, по фамилии **Ломан** Ю.М., написавший «Структуру художественного текста» (просто второй «Юрий Милославский»). А «Проблемы поэтики Достоевского» – если верить библиографическому списку – уместились на страницах 7-30 6-го тома бахтинского семитомника (вместо с. 7-300). Просто опущен один нолик. Зато статья А.К. Жолковского «Искусство приспособления», судя по библиографическому списку, занимает все 428 страниц книги «Блуждающие сны» и другие работы». На самом деле она находится на с. 31-53.

Исследования европейских филологов (за очень редким исключением) цитируются не по самим работам, а по текстам-посредникам: например, Р. Барт по Ю.С. Степанову (сразу возникает вопрос – почему ни разу не упоминается имя Г.К. Косикова, ключевого исследователя Р. Барта и в библиографии нет книги, им составленной: *Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / сост., общая редакция и вступит. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989*); Ж Женнет – по Н.А. Фатеевой, хотя сочинения упоминаемых М.Е. Берзиной ученых (Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Женетта) переведены на русский. В библиографии нет Барта, нет Кристевой, нет упоминаемых Риффатера, Хайдеггера и т.д. Есть Ж. Деррида – но по упомянутому изданию цитируется всего один раз, а в остальных случаях по работе В.П. Москвина.

Многократно автор обращается к статьям, опубликованным в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (Интелвак, 2001). Эта книга появилась на свет благодаря А.Н. Николукину. В ИНИОНе её так и называют «энциклопедия Николукина». И его имя как составителя можно было указать в описании книги в работе столь высокого квалификационного уровня. Справедливости ради отметим, что не во всех книгах упоминание составителя и редактора отсутствует. Тем досаднее такого рода пропуски.

Имя И.П. Ильина встречается лишь в сносках: многократно цитируется его статья «Интертекстуальность» из упомянутой энциклопедии А.Н. Николюкина. А ведь Ильин – автор очень авторитетных трудов («Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа». М.: Интрада, 1998; «Постмодернизм. Словарь терминов». М.: Интрада, 2001 и др.), и его имя достойно включения в число участников диалога об интертекстуальности и в основном тексте. В качестве библиографических дополнений можно посоветовать энциклопедию «Западное литературоведение XX века» (М: Intrada, 2004), подготовленную отделом литературоведения ИНИОН РАН, монографию В.И. Новикова «Книга о пародии» (М.: Сов. писатель, 1989). Для уточнения содержания понятия «топос», о котором неоднократно заходит речь, необходима книга Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (благо её тоже перевели на русский язык), а для более чёткого разграничения понятий «топос» и «мотив» – работы А.Е. Махова.

Встречаются в работе «формулы приблизительности» – например: «*Как правило, пушкинского Евгения рассматривают как одного из первых маленьких людей в русской литературе*» (с. 43). Кто конкретно так считает? Где ссылки? Зато назван выступающий против этого мнения П.Е. Спиваковский. Или: «Согласно некоторым позднейшим исследователям» (с. 18), «Примечательно обратить внимание» (с. 76) и т.д. Многократно встречающаяся формула «до известной степени» – тоже из числа лишённых информативности, засоряющих текст элементов. На с. 23 речь идет о нарратологии – и тоже все цитаты даны по уже упомянутой статье И.П. Ильина. Ни одной прямой ссылки на труды нарратологов нет, за исключением один раз процитированной работы В. Шмида «Нарратология» (с. 137). Зато есть замечание в скобках: «можно обратить внимание на труды Л. Дэлленбах, П. Ван ден Хевель» без всяких ссылок. Это тоже проявление приблизительности.

Стилистические замечания касаются способа представлять авторов. В большинстве случаев М.Е. Берзина ограничивается именем: Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Михаил Гаспаров и т.д. Рискую подвергнуться упрекам в консерватизме, но в научной работе наличие двух инициалов пока ещё является элементом необходимого декорума.

Не очень понятен принцип, продиктовавший порядок перечисления учёных, в чьих работах прослеживается «непостструктуралистский подход к изучению интертекстов», выведенных к тому же парами: О. А. Прокурин и А.М. Ранчин, Ю.Н. Тынянов и Н.А. Фатеева (с. 23).

На с. 33, подводя итог своим рассуждениям о продуктивности интертекстуального метода, М.Е. Берзина как «показательное» приводит высказывание Гимрановой. Инициалы у исследовательницы отсутствуют, но зато у неё, единственной из всех упомянутых в работе учёных, есть профессиональные атрибуты: она старший преподаватель кафедры литературы и методики обучения литературе при ЮУрГГПУ. Возможно именно это и придаёт вес её мнению.

Работу следовало лучше вычитать. На с. 70 в заглавии «Ревизор» без кавычек. В библиографическом списке нет единообразия: где-то тире между элементами описания присутствует, где-то нет. В работе много опечаток.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. М.Е. Берзина проделала большую важную работу, и её результаты станут органической частью огромной научной области – интертекстуальной интерпретации романа «12 стульев». Так что поставленные задачи выполнены.

Подведём итог. Диссертация М.Е. Берзиной – целостное самостоятельное оригинальное исследование, выполненное на высоком научном уровне.

Актуальность, новизна, теоретико-методологическое и практическое значение работы несомненны. Автореферат и публикации в полной мере отражают её содержание. Материалы исследования прошли апробацию на

международных конференциях; по теме опубликовано 5 научных работ автора, в том числе 4 публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Берзина Маргарита Евгеньевна заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

7 марта 2025

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник кафедры
литературно-художественной критики и публицистики
факультета журналистики
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»

Кулагина Ольга Львовна

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

125009, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1, ауд. 215.

ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

факультет журналистики, кафедра

литературно-художественной критики

и публицистики

Тел.: + 7 (495) 629 60 25; e-mail: referent@smi.msu.ru

Подпись сотрудника ФГБОУ ВО

«Московский государственный

университет имени М.В. Ломоносова»

Кулагиной Ольги Львовны удостоверяю: